

Лужи – глаза столицы

В «Новом Манеже» открылась выставка известного живописца Владимира Брайнина

Лужа II. 2001 г. Новые известия. – 2002. – 22 мая, – с. 6

Дмитрий СМОЛЕВ,
для «Новых Известий»

Точнее говоря, открылась только левая половина экспозиции. Различные службы официальной столичной площадки не сумели состыковать свои графики, из-за чего в полном объеме выставку можно будет увидеть только с 27 июня. Побочные удовольствия добавились автоматом: вернисаж в последний момент передвинулся на три часа ближе к ночи, пресс-конференция и вовсе отменилась без предупреждения. Даже автомобиль с каталогами застрял в пробке и существенно опоздал с прибытием. Однако организаторы ко всем накладкам отнеслись с редкостной невозмущен-

ностью: жизнь коротка, искусство вечно...

Даже в ополовиненном формате показ получился достаточно обширным, чтобы зритель не считал себя обманутым. «Новый» Брайнин (представлена его живопись в диапазоне 1995 – 2002 годов) по-прежнему способен расшевелить в согражданах захиревшее эстетическое чувство. Городской пейзаж, мастером которого художник слывет давным-давно, способен оказывать эмоциональное воздействие даже в отсутствие особых достоинств, за счет одной только узнаваемости. Когда же задействован мощный артистический арсенал, как это бывает у Брайнина, результаты поражают в самое сердце. Маэстрия на

марше: фейерверки живописных решений, брызги философских идей, отменная способность балансировать между высоким и салонным. Для исправных посетителей московских выставок не так уж и много оказывается здесь открытием, но анонсированная куратором Юрием Никичем попытка уловить и зафиксировать изменения авторской манеры требует повторной мобилизации. Действительно, в сборе произведения последних лет обнаруживают по крайней мере одно важное отличие от давнишних: место панорамы или фронтального вида все чаще занимает фрагмент.

Для закрепления визуального впечатления экспозиция получила заголовок «Штукатурка. Фонтаны.

Адам и Ева. 2000 г.

Решетки. Лужи». Звучит не так весело, как «ночь, улица, фонарь, аптека», но все равно поэтически. По сути, перечислены те объекты, к которым художник проявляет повышенное внимание. Эстетика тления и медленного разрушения выходит на первый план: кариатиды облуплены и перекрашены, современные решетки ржавы, фонтаны вроде целы, но как бы призрачны из-за окутывающих их струй и водяных паров. Самыми новыми выглядят лужи, что лишь подчеркивает мысль о бренности сущего, когда вглядываешься в отражения. Философское вопрошание примерно таково: элементы урбанистического пейзажа преходящи, в чем же держится душа, идея вечного города? Мысль о Третьем Риме здесь явно присутствует, хотя и подана без нажима.

Интеллектуальное содержание картин никогда не мешало Брайнину работать над изяществом формы. Виртуозность владения кистью

– качество для него неизменное. Дело доходит до странного противоречия: нынешнее фотографическое кадрирование требует, казалось бы, гиперреалистических живописных приемов, ведущих к иллюзорности. Издалека даже может представиться, что так оно и есть. Но вблизи обнаруживаются вольный мазок, открытый цвет, минимум лессировок и почти гротескный рисунок. Работа ведется не над квадратным сантиметром холста, а как минимум над квадратным метром, что служит признаком вовсе не небрежности, наоборот – собранности. За уважительное отношение автора к собственному живописи легко прощаются салонные красоты и некоторые спекуляции на мотивах. Роскошное умирание города – всего лишь метафора, город еще постоит. И даже, не исключено, наградит в сентябре своего драматического летописца званием Художник Москвы.